

Он нашёл в шкафу светло-голубую рубашку и белую вышитую кофту, а затем, глядя на свои штаны, которые все выглядели примерно одинаково, выбрал чёрные брюки, быстро оделся, схватил рюкзак и выбежал из дома.

Ян Нинцзюнь не вернулся домой в обед, а вместо этого отправился играть в игры с Цзян Чжоу, старостой их класса.

В назначенное время он пришёл к дому Лу Цинъюя, чтобы вместе пойти в школу. Увидев, во что одет Лу Цинъюй, и сравнив это со своей школьной формой, он широко раскрыл рот.

— ??? Что ты делаешь?

— Какой ещё «что»? Давай быстрее, опаздываем в школу!

— Подожди, ты рискуешь опоздать, чтобы сменить форму? Ты сегодня с ума сошёл... — Не договорив, Ян Нинцзюнь вдруг вспомнил, что после уроков он собирался пойти перекусить со своим любимым соседом по парте, и его растерянное выражение лица сменилось на «я всё понял».

В субботу у них было на один урок меньше, чем обычно, поэтому, когда они вышли из школы, час пик уже прошёл, и они быстро поймали такси.

— Водитель, в центр города, — сказал Чжоу Сюаньтин.

— Понял!

— Эй, я думаю, мы могли бы просто сесть на автобус, зачем такси?.. — тихо пробормотал Лу Цинъюй, обращаясь к Чжоу Сюаньтину.

— Повтори ещё раз, я не «эй», — нахмурился Чжоу Сюаньтин.

— Чжоу Сюаньтин... Ну, правда, автобус был бы нормально...

— Тьфу, ты слишком много говоришь, сегодня я угощаю.

— Что? Это нехорошо... — Лу Цинъюй всегда делил расходы поровну, будь то с одноклассниками или с Ян Нинцзюнем, и ему всегда было неловко, когда кто-то предлагал угостить.

— Хватит болтать, я посплю. — Чжоу Сюаньтин не дал Лу Цинъюю продолжить, накинул школьную куртку на голову и прислонился к спинке сиденья, чтобы поспать.

Казалось, Чжоу Сюаньтину вечно не хватало сна. Не прошло и трёх минут, как его голова устойчиво упёрлась в стекло окна, и он заснул глубоким, ровным сном.

Когда они подъезжали к светофору под мостом, чёрный Buick, казалось, ошибся полосой и, когда до светофора оставалось совсем немного, резко повернул, вклинившись между их такси и белым Volkswagen впереди.

Водитель резко затормозил, попутно ругая предков водителя Buick на все лады.

Голова Чжоу Сюаньтина от удара о стекло издала громкий стук, который звучал довольно болезненно.

Лу Цинъюй обернулся, чтобы посмотреть на Чжоу Сюаньтина, которого резко разбудили. Тот потирал голову, которая только что столкнулась со стеклом, прищурившись и бормоча:

— Не дают даже поспать.

Лу Цинъюй хотел посмеяться над ним, но вскоре смех застрял в горле. Чжоу Сюаньтин, закончив тереть голову, наклонился в сторону и без всяких церемоний положил большую часть своего веса на плечо Лу Цинъюя.

Мгновенно запах свежего мыла с нотками солнечного света от Чжоу Сюаньтина медленно проник в ноздри Лу Цинъюя, и вскоре этот опьяняющий аромат заполнил все его дыхательные пути.

Опустив взгляд, он увидел, что его сосед по парте, чьё телосложение было вдвое больше его собственного, спокойно отдыхал с закрытыми глазами, дыша ровно, как будто ничто не могло его разбудить.

Послеполуденный свет смягчил его обычно агрессивные черты лица, добавив мягкости, что полностью противоречило его обычному резкому образу.

Водитель включил обогреватель, закрыл окна, и шум клаксонов, двигателей и голосов снаружи исчез, словно они оказались в уединённом уголке посреди шумного города, где мирская суета больше не имела к ним отношения. Водитель тихо вёл машину, не включая музыку или радио, и казалось, что во всём мире слышны только стук сердца Лу Цинъюя и ровное дыхание Чжоу Сюаньтина.

«Тук-тук-тук...»

Чёрт, кажется, в сердце поселился целый лес оленей...

В тот день новинка в меню — жареный цыплёнок — показалась пресной, и всё его существо было наполнено тремя иероглифами: «Чжоу Сюаньтин».

Чжоу Сюаньтин становился всё ближе к нему, и Лу Цинъюй говорил всё больше, с радостью рассказывая ему о каждом мелком событии дня.

— Эй, Чжоу Сюаньтин, ты знаешь, сегодня в столовой была ужасная еда!

— Хорошо, что я не пошёл, избежал неприятностей.

— Что? Ты не поужинал?

— Да, сегодня был занят, не успел.

— Это вредно для здоровья. У меня осталось несколько шоколадок с утра, можешь перекусить.

— Даришь шоколад? Ты меня любишь?

— Эй! Ты будешь есть или нет? Если нет, я заберу обратно! — Лу Цинъюй покраснел от смущения и раздражения и уже хотел убрать шоколадки обратно в ящик, но Чжоу Сюаньтин схватил его за руку.

Его рука была большой, и даже в этот холодный ранний зимний день тепло от его ладони передалось Лу Цинъюю через прикосновение.

Чжоу Сюаньтин взял шоколадку из его руки, но, прежде чем он успел полностью схватить её, Лу Цинъюй, словно от удара током, резко дёрнул руку.

Шоколадка в чёрно-красной упаковке выпала из руки Чжоу Сюаньтина, и тот, бросив на него взгляд, наклонился, чтобы поднять её.

— Что за привычка, даёшь, а потом забираешь.

— Я не! Я просто... просто...

— Просто что? — Чжоу Сюаньтин прищурился.

— Не буду говорить, я только выборку в тесте сделал!

— Не уходи от темы.

На этот раз Лу Цинъюй твёрдо решил не говорить, и Чжоу Сюаньтин, видя, что не сможет его разговорить, с неохотой открыл тест и начал отвечать.

Снаружи без предупреждения наступила зима, принеся с собой необычную грозу, от которой все жители города N стонали от неудобств.

Лу Цинъюй накануне задержался из-за холода и дождя, а вчерашний день был особенно загружен, поэтому, приняв душ, он засиделся за уроками до часа ночи.

Он никогда не опаздывал, и сегодня тоже не опоздал, войдя в класс под звонок, но на первом же уроке китайского, который обычно действовал как снотворное, он полностью сдался под натиском усталости.

— Разбуди меня, когда учитель придёт, — прошептал Лу Цинъюй, положив голову на парту, Чжоу Сюаньтину, который рисовал в черновике.

— Хм, хорошо, — ответил тот рассеянно, но Лу Цинъюй уже не стал ждать ответа, устремившись в объятия Морфея.

А следил ли Чжоу Сюаньтин за тем, чтобы его разбудили, осталось неизвестным, но, во всяком случае, никто его не потревожил.

— Гром! — Сладко спавший и уже собиравшийся оставить слюнявый след на учебнике Лу Цинъюй проснулся от громового раската.

Он резко поднялся, его бледное лицо, отпечатавшееся от парты, всё ещё было окутано сонливостью, как у щенка, которого только что разбудили.

— Что случилось? — спросил он, ещё не совсем проснувшись, голос был хриплым.

— Ничего, это гроза, спи дальше.

— Сейчас урок или перемена? — Сбитый с толку внезапным пробуждением, Лу Цинъюй уже совсем потерял счёт времени.

— Только что закончился урок, и началась гроза. Поспи ещё десять минут, я разбужу тебя перед уроком. — Чжоу Сюаньтин медленно поглаживал спину Лу Цинъюя, словно убаюкивая ребёнка.

Но после нескольких минут сна Лу Цинъюй, казалось, уже не хотел спать. Он лежал, положив голову на руку, и, прищурившись, смотрел на Чжоу Сюаньтина, который приводил в порядок свой стол.

— Что? — Чжоу Сюаньтин взглянул на него, не прекращая убирать.

— Ничего, просто смотрю на тебя. — Если посмотреть ещё несколько раз, возможно, в следующем семестре мы уже не будем сидеть вместе...

— Красивый?

— Не так, как я!

Чжоу Сюаньтин вдруг рассмеялся, прекратив уборку. Он повернулся, и его глаза, полные смеха, прямо и без прикрас встретились с прищуренными глазами Лу Цинъюя.

Как рыба, умирающая от жажды, которая натывается на пруд, он погружался всё глубже, уже не в силах выбраться.

Авторский комментарий:

Иногда любовь — это так просто: одна часть любви с первого взгляда и девять частей любви, растущей со временем, складываются в десять частей сильной привязанности.

Лу Цинъюй был слишком глуп, и когда он это осознал, уже не мог выбраться, лишь покорно погружался в трясины, позволяя илу поглотить его целиком.

<http://bllate.org/book/16176/1450624>